

- ⁵ См.: *Грачев М.А.* Словарь современного молодежного жаргона. М., 2006; Категория: Компьютерный сленг. Материал из Википедии. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>; *Левикова С.И.* Большой словарь молодежного сленга. М., 2003; *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь русского жаргона. СПб., 2001; Словарь компьютерного сленга Дениса Садошенко. URL: <http://lib.rin.ru/doc/i/20307p.html>; Словарь молодежного и интернет-сленга. Толкование более 10000 слов и выражений / Авт.-сост. Н.В. Белов. Минск, 2007.
- ⁶ Ср.: *Балашова Л.В.* Метафора в диахронии (на материале русского языка XI–XX веков); *Склярская Г.Н.* Метафора в системе языка. М., 1993.
- ⁷ Там же.
- ⁸ См., напр., *Москвин В.П.* Стилистика русского языка: Теоретический курс. Ростов н/Д, 2006. С. 130.
- ⁹ См.: *Любимова Н.А., Пинежанинова Н.П., Сомова Е.Г.* Звуковая метафора в поэтическом тексте. СПб., 1996.
- ¹⁰ *Гак В.Г.* Метафора: универсальное и специфическое // *Метафора в языке и тексте.* М., 1988.
- ¹¹ См.: *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1990.
- ¹² См.: *Балашова Л.В.* Концептуализация речевой коммуникации во внелитературных стратах (метафора) // *Проблемы речевой коммуникации.* Саратов, 2007. Вып. 7.

УДК: 811.161.1'276

ЛИТЕРАТУРНЫЕ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В СОВРЕМЕННОМ СЛЕНГЕ

Л.В. Балашова

Саратовский государственный университет
E-mail: balashova53@yandex.ru

В статье анализируется роль прецедентных феноменов в формировании современного русского сленга. Выявлены основные тематические группы текстов, активно используемых носителями сленга в коммуникации. Установлены функции исследуемых прецедентных феноменов.

Ключевые слова: русский сленг, прецедентный текст, языковая картина мира.

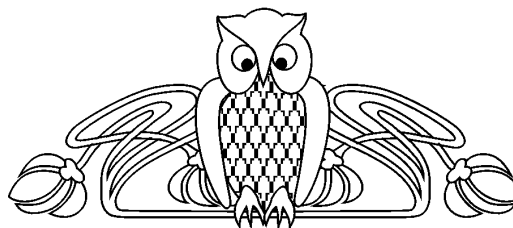
Literary and Non-fiction Precedent Phenomena in Contemporary Slang

L.V. Balashova

The article deals with the analysis of the part that precedent phenomena play in the formation of the contemporary Russian slang. Main thematic text groups frequently used by the slang-speakers in communication are discovered. The functions of the precedent phenomena under study are determined.

Key words: Russian slang, precedent text, language world picture.

В современной лингвокультурной концептологии – междисциплинарном направлении, изучающем социокультурной и национально-культурной специфики языкового сознания, – особое внимание уделяется исследованию прецедентных феноменов. Более того, ряд лингвистов¹ подчеркивают, что в языковой картине мира складывается особый тип концептов – концепты прецедентных феноменов. По мнению Г.Г. Слышкина², это единичные прецедентные феномены (личности, события, артефакты, географические объекты) и прецедентные миры (исторические и воображаемые – художественные). Объектом нашего внимания стали последние – литературные

и публицистические прецедентные феномены, поскольку именно они играют особую роль в современной цивилизации и культуре.

Специфика функционирования прецедентных феноменов в языке во многом определяется социальным стратом, в котором они используются, поскольку «иногда различия между разными языковыми картинками внутри одного языка оказываются больше, чем межъязыковые различия»³. Особую роль здесь играют социальные идиомы: жаргоны, арг, сленг (в дальнейшем мы будем использовать именно этот термин), которые развиваются в последние десятилетия наиболее динамично⁴, а их элементы «во множестве проникают в литературную речь»⁵. По нашим данным, извлеченным из специализированных сленговых словарей⁶, из Интернета, общения с активными пользователями Сети, исследуемые прецедентные феномены активно используются носителями сленга (859 единиц – лексико-семантических вариантов, или ЛСВ). Обращает на себя внимание разнообразие конкретных прецедентных единиц.

Вполне закономерно, что литературные прецедентные концепты составляют большинство исследуемого корпуса (80% от их общего числа единиц): «художественное творчество является неотъемлемой частью культуры, а регулярное потребление его продуктов – непременным атрибутом повседневной жизни каждого индивида»⁷. Естественно, русский фольклор и русская литература оказываются наиболее востребованными в сленге (37,6% единиц).

Среди фольклорных феноменов (7,7%) преобладают номинации языческих сакральных образов, героев, топонимов, артефактов народных сказок (ср.: *Баба-Яга* – ‘женщина-инспектор’;

Горыныч – ‘перегар’; *Дед Шишок* – ‘бомж’; *Емеля* – ‘электронная почта’; *избушка на курьих ножках* – ‘помпезный особняк’; *Жар-птица* – ‘лампочка’; *леший* – ‘белорус’; *Морозко* – ‘неразговорчивый человек’; *Соловей-разбойник* – ‘дежурный по роте’; *Ярило* – ‘пржектор’), хотя встречаются и современные суеверные образы (*барабашки* – ‘ударные инструменты’); феномены из анекдотов (ср.: *Хабibuлин* – ‘несообразительный человек’; *Ханума* – ‘крах’; *Урюпинск* – ‘глушь’). Достаточно активно носители сленга употребляют названия или фрагменты фольклорных текстов – пословиц, загадок, сказок, песен, частушек, анекдотов (ср.: *волк и семеро козлят* – ‘армейское отделение’; *без окон, без дверей, полна горница солдат* – ‘казарма’; *в семье не без урода* – ‘об отличнике боевой и политической подготовки’; *напрасно старушка ждёт сына домой* – ‘об ученике, оставленном на дополнительные занятия’; *травушка-муравушка* – ‘гашиш’; *точка, точка, запятая* – ‘учительница русского языка’; *умный чукча* – ‘недалекий человек’).

Русская классическая литература XVIII–XIX вв. (М.В. Ломоносов, Д.И. Фонвизин, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Н.В. Гоголь, И.А. Гончаров, И.С. Тургенев, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, Н.Г. Чернышевский, Н.А. Некрасов, А.П. Чехов) – продуктивный источник прецедентных феноменов (11,4% единиц). Это фамилии авторов, названий, героев, артефактов, фрагментов изучаемых в школе произведений (ср.: *горе от ума* – ‘наряд вне очереди за пререкание с командиром’; *ботаник* – ‘прилежный ученик’; ‘начинающий рокер’; ‘пожилой волокита’ (из характеристики князя Федора в «Горе от ума» А.С. Грибоедова: «Он химик, он ботаник, князь Федор, мой племянник»); *Балконский / Болконский* – ‘балкон’; *кавказский пленник* – ‘солдат на гауптвахте’; *дворянское гнездо* – ‘учительская’; ‘надстройка для комсостава на судне’; ‘элитный дом’; *Герасим* – ‘героин’; *Муму* – ‘мультимедия’; ‘наркотик’; *белеет парус одинокий* – ‘об отличнике’; *царица Тамара* – ‘памятник княгине Ольге в Пскове’; *Дед Мазай* – ‘ректор’; *этот стон у нас песней зовётся* – ‘о надрывном и безвкусном исполнении песен о любви, страданиях’; *кому на Руси жить хорошо* – ‘о поваре в солдатской столовой’; *читать Чернышевского* – ‘есть ржаной хлеб’; *четвертый сон Веры Павловны* – ‘о состоянии алкогольного, наркотического опьянения’; *старый Фирс* – ‘пройдоха’; *вишневый сад* – ‘общественный туалет’).

Наиболее востребованным во всех видах социальных идиомов оказывается творчество А.С. Пушкина. Лексема *Пушкин* – одна из самых многозначных: ‘любое огнестрельное оружие’; ‘африканец’; ‘человек с кудрявыми волосами’; ‘о лысом человеке’; ‘умный человек’; ‘отличник’; ‘неизвестно кто’. Из окружения поэта в сленге упомянута только его няня: *Арина Родионовна* – ‘личный телохранитель’; *Ядрёна Родионовна*,

Пушкина мать! – ‘выражение негодования, раздражения’. Среди произведений классика прецедентными становятся сказки, поэмы, лирика, поэмы, повести, трагедии (ср.: *арап Петра великого* – ‘негр’; *каменный гость* – ‘пенис’; *златая цепь на дубе том* – ‘о так называемом «новом русском» с золотой цепью на шее’; *я помню чудное мгновенье* – ‘каникулы’; *Руслан* – ‘учитель русского языка’; *золотая рыбка* – ‘указ об амнистии’; ‘взятодатель’; ‘потенциальная жертва вора, мошенника’; ‘обращение к женщине’; *Дядька Черномор* – ‘В.С. Черномырдин’).

Литература XX в. – начала XXI в. отражена в сленге более регулярно (около 27% прецедентных единиц). С одной стороны, это произведения из школьной программы М. Горького, С. Есенина, М. Шолохова, М. Булгакова и др. (ср.: *буревестник* – ‘вечеринка с обильной выпивкой’; *дети Солнца* – ‘игры в домино’; *Фома Гордеев* – ‘мужской половой орган’; *железный поток* – ‘наряд по столовой’; *Есенин* – ‘заключенный-поэт’; *Маяковский* – ‘магазин «Маяк» в Пскове’; *хождение по мукам* – ‘строевая подготовка’; ‘урок’; *человек с ружьем* – ‘бандит’; *Швондер* – ‘еврей’; ‘бюрократ’; *Тёркин* – ‘болтливый человек’). С другой стороны (и таких примеров на порядок больше), это детская и популярная литература (приключения, фантастика, детективы, военная проза, как правило, экранизируемая (ср.: *Айболит* – ‘садист’; ‘антивирусная программа’; ‘военный врач’; *Бармалей* – ‘пенис’; ‘считыватель перфокарт’; ‘неприятный человек’; *Буратино* – ‘тупица’; *кошкин дом* – ‘женское общежитие’; *золотой ключик* – ‘молодой человек, увлекающийся металлическим роком’; *Кибальчиш* – ‘ловелас’; *неуловимые мстители* – ‘лобковые вши’; *рога и копыта* – ‘магазин, торгующий мясopодуктами’; *Железный дровосек* – ‘памятник Ю. Гагарину в Москве’; *а зори здесь тихие* – ‘туалет’; *Фондорин* – ‘магазин «Фондор» в Пскове’; *семнадцать мгновений весны* – ‘о кратком отпуске’; *ночной дозор* – ‘общественная организация русскоязычного населения в Латвии’; ‘компания подвыпивших подростков, пристающих ночью к прохожим’). Достаточно активно используется песенное творчество: советские революционные и патриотические песни (ср.: *с чего начинается родина* – ‘о водке’; *летите, голуби, летите!* – ‘предупреждение о приближении облавы в местах скопления гомосексуалистов’; *бухенвальдский набат* – ‘звонок на урок’); советская популярная и авторская песня (ср.: *бермудно* – ‘плохо, тоскливо’ (из песни Высоцкого: «И вермуторно на сердце, и бермудно на душе»); *как прекрасен этот мир* – ‘о получении зарплаты’; *маленький оркестрик* – ‘магнитофон’); постсоветская рок-музыка и «попса» (ср.: *Ален Делон не пьёт одеколон* – ‘о заносчивом человеке’; *ля-ля-фа* – ‘ерунда’; *страна Лимония* – ‘республика Коми’).

Интересно, что самым востребованным среди всех прецедентных текстов русской литературы оказывается образ Чебурашки Э. Успенского.

Лексема *чебурашка* имеет 12 значений, фиксируемых в общем, молодежном, школьном, военном, компьютерном сленге, в воровском аргоне, в жаргоне авиаторов и машиностроителей. Этот субстантив формирует самостоятельное словообразовательное гнездо с многозначными субстантивами, адъективами и глаголами – *чебурактор, четурахнутый, чебурашить, чебурашиться* и др. (всего – 14 сленговых единиц). Такая прецедентная активность связана, конечно, с тем, что, с одной стороны, мультфильм по сказке Э. Успенского известен практически всем россиянам, а с другой – как следствие такой популярности сформировался целый корпус фольклорных текстов – анекдотов о Чебурашке и Крокодиле Гене.

Зарубежные литературные памятники (фольклор, эпос, художественная литература) также регулярно становятся основой для прецедентных концептов (24,3% сленговых единиц). В этой подсистеме античная мифология и литература (боги, герои, мифические животные и чудовища: *Адонис, Амур, Аполлон, Геракл, Гермес, Икар, кентавр, Купидон, медуза-Горгона, Миневра, Пегас, Прометей, Химера, Циклоп*; один артефакт – *Троянский конь*; один топоним – *Троя* и один автор – *Эзон*) составляют 4,7% от общего числа единиц, причем многие из лексем являются многозначными (ср.: *Венера* – ‘подарок’; ‘сифилис’; *Циклоп* – ‘мужской половой орган’; ‘милиционер’; ‘милицийская машина’; ‘компьютер’; ‘одноглазый старик’). Западноевропейские сказки, эпос чуть менее востребованы (4,3%), но формируемые на их основе лексем не менее многозначные (ср.: *гном* – ‘гомосексуалист’; ‘преподаватель экономики’; *гоблин* – ‘охранник’; ‘член ОМОНа’; ‘работник ГИБДД на трассе’; ‘мускулистый мужчина без признаков интеллекта’; ‘хулиганствующий подросток’; ‘заправщик на автостанции’; ‘новый русский’; ‘молодой поклонник рок-музыки в соответствующей экипировке’; ‘поклонник музыки в стиле GABBA’; ‘обращение к молодому человеку, юноше’; ‘человек высокого роста’; ‘некрасивый человек’). Показательно, что большинство этих феноменов активно используются в классической (русской, европейской) и современной литературе (ср.: *гоблин* – в романах Дж. К. Ролинг о Гарри Потере). Большую роль играет также экранизация таких текстов (например, классические советские мультфильмы по античным мифам).

Азиатская языческая мифология и фольклор не столь разнообразны, но многозначность соответствующих единиц столь же высока, как и в предыдущих тематических группах (ср.: *Али-Баба и сорок разбойников* – ‘директор и учителя’; ‘учебный совет вуза’; ‘армейский взвод’; *бабай* – ‘старик’; ‘старый татарин’; уроженец Средней Азии’; ‘активный гомосексуалист’; ‘денежная единица республик Средней Азии’; ‘душман’; ‘афганец’; ‘строгий учитель, преподаватель’; *шайтан* – ‘спиртное’; ‘любой человек’; ‘выражение любой эмоции’; ‘пистолет-пулемет Шпагина’; *шайтан-*

коробка – ‘незамысловатое техническое устройство’; *шайтан-машина* – ‘пейджер’; ‘мобильный телефон’; *шайтан-труба* – ‘гранатомет’).

Среди западноевропейской и северо-американской авторской литературы (11,8% от общего числа сленговых единиц) преобладает классическая сказка и популярная детская литература XX – начала XXI в. (ср.: *Дюймовочка, Спящая красавица, Мальчик с пальчик, три поросенка, Синяя Борода, принцесса на горошине, Красная Шапочка, Алиса в стране чудес, гадкий утенок, Карлсон, Гарри Потер, Щелкунчик, братство кольца, хоббит, Маленький принц, Винни-Пух, Пятачок*). Достаточно разнообразно представлены «не детские» жанры, хотя многие таких текстов известны с детства. Это, например, классические произведения Шекспира, Сервантеса (*Гамлет, Ромео, много шума из ничего, Дульцинея, Дон Кихот*). Вместе с тем безусловное лидерство принадлежит классическим детективам, фантастике и приключенческим романам (ср. английская литература: *Ватсон, остров сокровищ, Робинзон, смерть под парусом, не будите спящую собаку, человек-невидимка*; французская литература: *три мушкетера, д'Артаньян, Арамис, Гаврош, Гобсек, Риголетто, Фигаро, Кармен, королева Марго, Стендаль, красное и черное, Паганель*; немецкая литература: *три товарища*; американская литература: *унесенные ветром, всадник без головы, белый клык, крестный отец*). Практически по всем этим прецедентным текстам сняты фильмы или написаны оперы, ставшие столь же классическими и культовыми. Роль кинематографа как проводника литературного текста особенно ярко прослеживается на материале XX века. Самым продуктивным в этом отношении становятся герои комиксов, получившие экранное (обычно «голливудское») воплощение (ср.: *Бонд, ноль-ноль-семь, Бэтмен, Тарзан*).

Наконец, среди литературных текстов особое место принадлежит сакральным книгам, связанным с мировыми религиями – христианством, иудаизмом, исламом, буддизмом (13,5% от общего числа прецедентных сленговых единиц). Это номинации самих книг (ср.: *Библия, молитвенник, Коран, Талмуд*), сакральных сил (ср.: *Бог, дьявол, сатана, ангел, падающий ангел*), персонажей, топонимии и др. Абсолютное лидерство здесь принадлежит христианским текстам (ср.: *апостол, агнец, Аве Мария, заповедь, изгнание из рая, смертный грех, Иисус, Каин, распятие, чистилище*). Безусловно, большинство из таких единиц уже почти утратили связь с конкретными сакральными текстами (ср.: *бог, черт, дьявол, рай*), функционируя как многозначные единицы в литературном языке. Однако их источник все же сакральный текст; кроме того, значения сленговых единиц могут не ориентироваться на кодифицированные лексем (ср.: *власть в распятие* – ‘задуматься’; *рай* – ‘отделение милиции’; *изгнание из рая* – ‘возвращение из отпуска’; *иисуски* – ‘плете-

ные сандалии»; *падший ангел* – ‘мужской половой орган без эрекции’; *агнец* – ‘впервые осужденный человек’; *бес* – ‘пассажир правительственной машины’). Интересно, что самыми многозначными оказываются лексемы: *черт* – 12 ЛСВ; *дьявол* – 11 ЛСВ; *бес* – 9 ЛСВ; *бог, дух, рай* – по 8 ЛСВ.

В целом можно констатировать, что среди литературных феноменов в сленге концептуализации подвергаются, прежде всего, те, которые связаны с миром детства (детская и приключенческая литература, школьная программа) и с религиозным дискурсом как культурным феноменом. Огромную роль в усвоении тех или иных прецедентных текстов играет кино и телевидение, поскольку большинство литературных феноменов стали популярными благодаря их экранизации.

Публицистика, как отмечалось, использует в качестве прецедентного текста значительно реже – 20% от общего числа исследуемых единиц. Менее разнообразными являются и источники такой интервенции. Как ни странно, но наиболее востребованными (15,4%) оказываются идеологические тексты (названия периодических изданий, клише, пропагандируемые образы и события и т.п.) советского периода. Это классические работы теоретиков марксизма-ленинизма (ср.: *антидюринг* – ‘нечто странное, абсурдное’; *металлистам нечего терять, кроме своих цепей* – ‘шутливый лозунг металлистов’). Большое число сленговых единиц связано с героизацией Октябрьской революции, Гражданской войны, классовой борьбы (ср.: *барабанщик революции* – ‘примерный курсант’; *заря коммунизма* – ‘тюремная баланда’; *жертва классовой борьбы / белого (красного) террора* – ‘обращение (руг. или ласк. – дружеск. в зависимости от ситуации)’).

Особое место здесь принадлежит увековечиванию памяти В.И. Ленина, причем это, с одной стороны, ставшие прецедентными факты его биографии, деятельности, реплики (как правило, известные по книгам и фильмам о вожде), мемориальные лозунги, а с другой – анекдоты о вожде (ср.: *трескать с броневишка* – ‘произносить патриотические, пафосные речи’; *просто, по-человечески, как вождь на толчке* – ‘просто, без затей; без рисовки’; *а глаза такие добрые-добрые* – ‘о том, кто делает что-л. крайне неприличное’; *запах Ильича* – ‘запах суррогатного спирта’; *зря, батенька, зря: преинтереснейшая штучка, красная, пролетарская* – ‘в ответ на чей-л. отказ посмотреть на что-л., купить что-л.’; *лампочка Ильича* – ‘пенис’; *Ленин в Разливе (в шалаше)* – ‘полная чужь’; *по ленинским местам* – ‘в область паха (об ударе и т.п.)’; *трёхспальный станок «Ленин с нами»* – ‘широкая семейная кровать’).

Активно проникают в сленг газетные клише (часто трансформируемые) о социалистическом строительстве; клишированные лозунги и речи партийных лидеров о преимуществах социализма, грядущей победе коммунизма и т.п. (ср.: *билет в коммунизм* – ‘продовольственный талон’; *битва*

за урожай – ‘большое скопление людей, столпотворение’; ‘сессия’; *вся жизнь – борьба: до обеда с голодом, после обеда – со сном* – ‘о надуманной проблеме’; *граница не знает покоя* – ‘о заборе во круг воинской части’; *наш колхоз выполнил план по удою коз* – ‘работа выполнена’; *маяк социализма* – ‘пенис’; *огни коммунизма* – ‘крематорий’; *руководящий орган* – ‘пенис’; *тутик коммунизма* – ‘здание КГБ / ФСБ на Лубянке в Москве’; *школа коммунизма* – ‘тюрьма’; *смычка города и деревни* – ‘половой акт с девушкой из провинции’; *в свете решений КПСС* – ‘об обесточенном ИТУ’).

Второй пласт прецедентных текстов – реклама (в основном слоганы из телерекламы) постсоветского периода (4,6% единиц); ср.: *баунти – райское наслаждение!* – ‘реплика, следующая за каким-л. агрессивным действием по отношению к собеседнику (ударом, пинком, злой шуткой и т.п.)’; *сладкая парочка* – ‘скульптурная группа В. Мухиной «Рабочий и колхозница»’; ‘принцип непосредственного огневого контакта: два выстрела подряд и смена положения, чтобы противник не попал в стреляющего’; *страна Мальборо* – ‘о глубоком сне солдата’; *чисто «Тайд»!* – ‘все в порядке’; *тётя Ася* – ‘интернет-пейджер (ICQ)’; ‘крах, провал’. В отличие от пропагандистских, агитационных текстов рекламные прецедентные феномены часто многозначны, причем на развитие новых ЛСВ могут оказывать влияние другие члены литературных и сленговых единиц. Например, фирма «Анкл Бенс» широко рекламировала кулинарные изделия в первой половине 90-х гг. XX в., ее «лицом» был пожилой афроамериканец. Это и повлияло на формирование первого сленгового значения *Анкл Бенс* – ‘негр’, которое в свою очередь становится основой для метафорического переноса в армейском жаргоне – ‘солдат, дежурящий на кухне’ (ср. традиционное разговорное *негр* – ‘о человеке, выполняющем тяжелую, грязную работу’).

Рекламные прецедентные феномены значительно более подвижны по сравнению с другими аналогичными концептами. Обычно их регулярно употребляют до тех пор, пока соответствующие рекламные ролики «крутят» по ТВ, а затем сходят на «нет» (ср.: сейчас уже почти не фиксируется *Анкл Бенс*). Но (пусть и на небольшой период) их частотность и многофункциональность может стать очень высокой. Так, несколько лет назад интернет-пользователи активно использовали слоган из рекламы зубной пасты: «Привет, бобер!» в самых разных ситуациях (при этикетных приветствиях и прощании, при выражении недоумения, изумления, восторга и негодования, а также при негативной и позитивной оценке адресата или предмета речи).

В процессе общезыковой коммуникации концепты прецедентных феноменов, по мнению исследователей, могут выполнять несколько функций: (а) экспрессивно-декоративную, т.е. служить средством украшения речи, придавать

ей яркость; (б) экономии речевых средств, т.е. способствовать лаконичному выражению мысли; (в) паролно-идентифицирующую, т.е. давать коммуникантам возможность продемонстрировать друг другу общую групповую принадлежность; (г) персуазивную, т.е. выступать в роли авторитета или антиавторитета; (д) людическую, т.е. снижать напряженность общения путем обмена загадками-реминисценциями; (е) эвфемистическую, т.е. выражать табуизированные или неприятные для коммуникативного партнера смыслы путем иносказания⁸. С одной стороны, сленговые прецедентные феномены выполняют те же функции, а с другой – значимость отдельных функций может быть ниже или выше, чем в литературном языке. В частности, практически не востребована персуазивная функция (прецедент в роли авторитета или антиавторитета), зато функция экономии речевых средств и паролно-идентифицирующая функция – одни из частотных.

Специфика функционирования сленговых прецедентных феноменов заключается в следующем.

Во-первых, регулярно семантика прецедентного феномена связана не с объективными характеристиками соответствующего образа, героя и воображаемого мира, из которого они взяты, а с второстепенными (часто внешними) характеристиками (ср.: *Пушкин* – ‘о кудрявом или смуглом мужчине’). Более того, данные феномены становятся базой для звуковой (фонетической) метафоры, где термин «метафора» отнесен к плану выражения слова⁹. В литературном языке данный тип переноса активно используется только в поэтической речи (ср.: «*Чудь начудила, да Меря намерила Гатей, дорог да столбов верстовых*». А. Блок)¹⁰. В сленге это один из самых частотных способов освоения сложной, иноязычной терминологии (особенно в сфере высоких технологий и современных средств коммуникации). Общеязыковое явление – адаптация в языке-реципиенте заимствований – в сленге обычно связана с фонетической мимикрией слова или словосочетания – на основе транскрибирования или транслитерации (ср.: *Баба-Яга* – ‘видеоадаптер «EGA»»; *Аве Мария* – ‘звуковая плата «Sound Blaster AWE 32»’).

Во-вторых, носители сленга активно обыгрывают несоответствие между литературным / публицистическим прецедентным концептом и его сленговым значением. В частности, регулярно используется деметафоризация соответствующего прецедентного фрагмента или «снижение» его ассоциативной сферы. Например, в трансформированном отрывке из «Коммунистического манифеста»: *металлистам нечего терять, кроме своих цепей* – лексема *цепи* употребляется не в символическом, а в прямом значении. Снижение ассоциативной сферы очень характерно при использовании пропагандистских советских лозунгов и клише (ср. сленговые единицы с лексемой *Ленин, Ильич*), а также прецедентных феноменов,

восходящих к классической литературе (ср.: размышления А.С. Пушкина о назначении поэта в военном жаргоне переносятся в «гастрономическую сферу»: *сюда не зарастёт народная тропа* – ‘об армейском буфете’).

В-третьих, регулярно формирование семантики прецедентных феноменов связано с обыгрыванием несоответствия между «воображаемым» миром в литературном языке и значением созвучной единицы в сленге, причем именно последнее влияет на семантику прецедента (ср.: *Обломов* – ‘депрессия’ – от сленг. *облом* ‘крах, провал’; *Достоевский* – ‘надоедливый человек’ от сленг. *доставать* – ‘надоедать кому-л.’; *железный дровосек* – ‘точно, наверняка’ – от сленг. *железно* с тем же значением).

Безусловно, в каждом отдельном примере можно обнаружить целую систему признаков, по которым проходит его сленговая концептуализация. Однако выделяются и общие тенденции, в частности, преобладающее снижение «сферы применения» прецедентного феномена (ср. регулярное использование советских газетных клише и классических литературных образов при номинации гениталий и секса, а рекламных слоганов – при выражении отрицательных эмоций). С одной стороны, обостренное внимание к физиологии во внелитературных стратах в целом является отражением смеховой народной культуры, карнавальной традиции осмысления всего мира через «телесный низ»¹¹, а с другой – это безусловное отражение отношения значительной части носителей сленга к советской идеологии, к современной рекламе и, к сожалению, в большой степени к «серьезной» литературе.

Примечания

- ¹ См., например: *Караулов Ю.Н.* Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы. М., 1986; *Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д.* Как тексты становятся прецедентными // Русский язык за рубежом. 1994. № 1; *Красных В.В.* Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). М., 1998; *Гудков Д.Б.* Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М., 1999; *Слышкин Г.Г.* Лингвокультурные концепты и метакоцепты. Волгоград, 2004; *Черноморец М.В.* Лингвокультурные концепты германских канцлеров: Автореф. дис.... канд. филол. наук. Волгоград, 2009.
- ² См.: *Слышкин Г.Г.* Указ. соч. С. 10.
- ³ *Шмелев А.Д.* Русский язык и внеязыковая действительность. М., 2002. С. 15.
- ⁴ См., например: *Гак В.Г.* Русская динамическая языковая картина мира // Русский язык сегодня. М., 2000; *Гольдин В.Е., Сиротинина О.Б., Ягубова М.А.* Русский язык и культура речи: Учеб. пособие для студентов-нефилологов. М., 2003; *Крысин Л.П.* Социальная дифференциация системы современного русского

национального языка // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. М., 2003; Розина Р.И. Семантическое развитие слова в русском литературном языке и современном сленге: глагол. М., 2005; Сиротинина О.Б. Что происходит с русским языком? // Проблемы речевой коммуникации. Вып. 6. Саратов, 2006.

⁵ Крысин Л.П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М., 2004. С. 372.

⁶ См.: Белов Н.В. Словарь молодежного и интернет-сленга. Минск, 2007; Грачев М.А. Словарь современного молодежного жаргона. М., 2006; Елистратов В.С. Словарь московского арга. М., 1994; Ермакова О.П., Земская Е.А., Розина Р.И. Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона. М., 1999; Компьютерный сленг [http – Компьютерный сленг](http://ru.wikipedia.org/wiki/). [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>; Коровушкин В.П. Словарь русского военного жаргона. Екатеринбург, 2000; Левикова С.И. Большой словарь молодежного сленга. М., 2003; Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой

словарь русского жаргона. СПб., 2001; Никитина Т.Г. Молодежный сленг: Толковый словарь. М., 2009; Никитина Т.Г., Роголева Е.И. Региональный словарь сленга (Псков и Псковская область). М., 2006; Словарь компьютерного сленга Дениса Садошенко. [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.rin.ru/doc/i/20307p.html>; Словарь молодежного и интернет-сленга. Толкование более 10 000 слов и выражений. Минск, 2007; Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения. СПб., 1998; Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб., 2004.

⁷ Слышкин Г.Г. Указ. соч. С. 67.

⁸ Там же. С. 114.

⁹ См.: Любимова Н.А., Пинежанинова Н.П., Сомова Е.Г. Звуковая метафора в поэтическом тексте. СПб., 1996.

¹⁰ См.: Москвин В.П. Стилистика русского языка: Теоретический курс. Ростов н/Д, 2006. С. 122.

¹¹ См.: Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1990; Елистратов В.Е. Словарь русского арга (материалы 1980–1990-х гг.). М., 2000.

УДК: 811.161.1'36

ФСП КАТЕГОРИИ ТЕМПОРАЛЬНОСТИ В ТЕКСТЕ-ОРИГИНАЛЕ И ЕГО ПЕРЕВОДЕ

В.Н. Бышкина

Саратовский государственный университет
E-mail: ana311@mail.ru

В статье представлен анализ категории времени с точки зрения функциональной грамматики на примере сравнения функционально-семантических полей (ФСП) текста-оригинала и текста-перевода рассказа Оскара Уайльда «Образцовый миллионер».

Ключевые слова: темпоральность, функционально-семантическое поле, ядро, периферия, Оскар Уайльд.

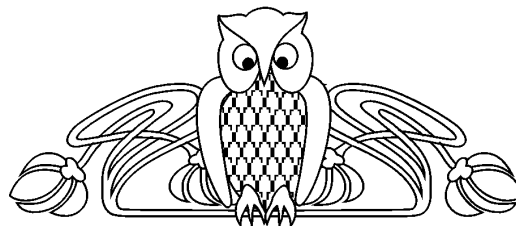
Functional-Semantic Field of the Category of Temporality in Source and Target Texts

V.N. Byshkina

The article reveals the category of time from the perspective of functional grammar, illustrated by the comparison of structural fields in the source and target texts of Oscar Wilde's "Model Millionaire".

Key words: temporality, functional-semantic field, centre, periphery, Oscar Wilde.

Категория времени выражена в языке разнообразными способами, так как разнообразие строя языков естественным образом приводит к использованию различных средств для ее представления¹. Для исследования ФСП темпоральности нами был выбран рассказ Оскара Уайльда

«The Model Millionaire»² в оригинале и его перевод на русский язык «Образцовый миллионер»³. Предполагалось, что темпоральная картина в рассказах должна совпадать, однако в наборе использованных средств возможны отличия.

Целью данного исследования является изучение структуры ФСП темпоральности в двух рассказах и выявление сходств и различий в построении их временных картин с точки зрения функциональной грамматики.

Рассказ Оскара Уайльда «The Model Millionaire» представляет собой необыкновенный случай, произошедший с небогатым, непрактичным, но очень чутким и отзывчивым молодым человеком Хьюи Эрскином, в жизни которого большую роль сыграл один из самых богатых людей Лондона – барон Хаусберг. В ответ на проявленное Эрскином искреннее сострадание и соучастие к барону тот неожиданно делает ему дорогой подарок и тем самым устраивает его личную жизнь.

Общее число проанализированных единиц в рассказе-оригинале составило 348 употреблений.

При анализе средств, использованных для выражения времени, были получены следующие результаты (табл. 1).